

-А сегодня, на исходе второго дня нашей региональной Школы стартапов, у нас особенный гость! Можно сказать, что это самый успешный молодой бизнесмен города, но он уже давно перестал быть молодым и стал просто успешным. Можно назвать его настоящим патриотом области — ведь он сумел покорить Москву, но все-таки вернулся на родину. Однако сам он не любит пафоса. Можно назвать его гуру бизнес-тренинга, но иностранных слов он тоже не любит. Поэтому просто...

Ведущий выдержал отлично выверенную паузу.

— ...Андрей Лазуркин!

Зал, разогретый приветственной речью, взорвался аплодисментами. Впрочем, юные стартаперы, которых второй день учили правилам поведения в бизнесе, уже успели выучить — после эффектной паузы нужно бурно хлопать в ладоши.

На сцене появился Лазуркин.

В свои сорок он был похож на студента: стройный, подвижный, румяный. Ни одного седого волоса или, не приведи господь, намечающейся лысины. Отлично сидящий костюм, белоснежная сорочка, но без галстука. Единственный зримый признак богатства — поблескивающие на руке швейцарские часы.

Андрей дождался, пока овации утихнут, и начал:

— Понятия не имею, о чем с вам говорить.

Зал благосклонно засмеялся.

— Поэтому начну с того, до чего мы все равно дойдем: с ваших вопросов. Дело в том, что некоторые вопросы повторяются с пугающей регулярностью. Например, «Когда вы решили стать предпринимателем?».

Он сделал вид, что припоминает.

— Не помню, чтобы я принимал такое решение. Просто так сложилось. И потом — что значит «стать предпринимателем»? Главное — выработать в себе правиль-

ные качества: целеустремленность, самодисциплину, ответственность. Мне в этом помогли родители. Они меня, сами того не осознавая, стали готовить к предпринимательству, когда еще и слова такого не было...

* * *

Андрюша очень боялся. Он весь вечер видел, как мама с папой куда-то собираются, и опасался, что его забудут. Он специально старался держаться поближе к маме, а папа об него даже споткнулся.

— Что ты под ногами вертишься? — нахмурился отец. — Иди в свою комнату!

Андрюша тут же пошел. Он был хорошим мальчиком и всегда слушался маму и папу. Но дверь на всякий случай оставил открытой.

Когда мама появилась на пороге, благоухающая духами и вся в красивом черном платье, сердце Андрюши екнуло. Он подскочил и схватил маму за руку.

— Сынок, — мама присела на корточки, — нам с папой нужно уйти. Ненадолго. На пару часов.

Андрюша в свои пять лет уже усвоил, что «час» — это очень долго, когда чего-то ждешь. Он вцепился в мамину ладонь изо всех сил.

— Это балет, — продолжала втолковывать мама, стараясь не морщиться от боли. — Самый лучший в нашем городе. Называется «Икар». Про дядю, который хотел долететь до солнца. Папа билеты с таким трудом достал...

— Лена! — донесся из прихожей голос папы. — Опоздаем!

Мама продолжала уговаривать. Андрюша уткнулся в ее плечо и не слушал. До него доносились отдельные слова: «Бабушка не смогла...», «Такая возможность...», «Ты уже большой...». «Можешь смотреть телевизор». Андрюша только прижимался и старался не дышать. Ему казалось, что так они и будут стоять всю жизнь — и тут сильные папины руки оторвали его от мамы.

Он расплакался не от боли, а от обиды.

— Так! — строго сказал отец. — Мы тебя хотели с собой взять, но ты плохо себя ведешь! Ревешь, как девчонка! Поэтому ты наказан. Остаешься дома один.

Андрюша изо всех сил попытался остановить слезы, но стало только хуже — он начал рыдать в голос.

— А если не начнешь вести себя хорошо, — папа начал злиться, — то мы вообще не вернемся! Найдем себе другого сына! Хорошего мальчика!

Андрюша сквозь слезы ничего не видел, почувствовал только короткое касание маминых губ и быстрый шепот: «Мы обязательно вернемся, не бойся».

Хлопнула дверь.

Андрюша поплакал еще немного. Потом пошел в ванную и умылся. Он был самостоятельным ребенком, уже умел умываться самостоятельно, у него для этого был свой стульчик. Походил по пустой квартире. Свет везде был предусмотрительно включен. Посидел перед телевизором, но включить побоялся. А вдруг это тоже будет плохое поведение? Вдруг папа с мамой и правда поменяют его на другого мальчика? Послушного?

Андрюша изо всех сил вспоминал, что делать, чтобы быть хорошим мальчиком. За что его хвалили? За книжки! Его хвалили, когда он пытался читать!

Он вытащил из шкафа большую книжку с выцветшими картинками и принялся декламировать:

— Идет бычок, качается, вздыхает на ходу...

Андрюша хитрил. Он не умел еще читать, просто выучил стихи, которые ему читали много-много раз. Но умел водить пальцем по нужным строчкам и делал вид, что разбирает буквы. На маминых и папиных го-стей это производило неизгладимое впечатление.

Потом он снова испугался. А вдруг его хитрость — это тоже плохое дело? Вдруг его посчитают не хорошим мальчиком, а плохим вруном? Он торопливо спрятал книгу и снова погрузился в размышления.

Нужно было найти дело, которое делают хорошие мальчики. Не есть землю? Не плевать? Не ковырять в носу? Все это он не делал, но разве этого достаточно?

Наконец он придумал. Нужно помыть посуду! Мама всегда вздыхает, что ей приходится мыть гору посуды. «Хоть бы кто помог».

Андрюша направился на кухню. Как назло, раковина была пуста. Но он не собирался сдаваться. Открыл холодильник и нашел блюдечко, на котором лежал кусочек сливочного масла. Сначала он съел масло — родители почему-то ужасались, когда он делал это в их присутствии, — а потом торжественно отнес блюдце до раковины... и понял, что не дотягивается до крана. Пришлось нести из ванной табуретку, на которой он мыл руки, устанавливать ее, крутить кран (ее справился — папа, наверное, закрутил). Все это так измучило Андрюшу, что блюдечко он помыл из последних сил. А когда потянулся за полотенцем, случилось кошмарное.

Пальцы сами разжались, и блюдце грохнулось на пол. Секунду Андрюша стоял неподвижно, а потом сорвался с места и, рыдая, помчался к своей кровати. Там он забрался под одеяло прямо в одежде, накрыл голову подушкой и продолжал плакать, повторяя про себя «Я плохой! Я плохой!» От ужаса он уснул.

Проснулся он от того, что мама его раздевала. Не открывая глаз и стараясь не расплакаться, он прошептал:

— Прости меня, мама! Я больше не буду! Я буду хорошим мальчиком! Только не выбрасывай меня!

На следующее утро Андрюша вскочил по маминому будильнику, заправил, как смог, кровать, аккуратно сложил на подушку застиранную любимую пижаму.

Нашел программку, которую принесли родители. На ней действительно был дядя с крыльями. Андрюше картинка понравилась, и он положил ее себе под подушку.

Потом заметался, потому что не мог решить, что нужно делать сначала — идти чистить зубы или сказать «доброе утро» родителям. Выбрал второе.

— Доброе утро, мамочка и папочка, — сказал он.

— Угу, — отозвалась мама. А папа хрюкнул что-то неразборчивое.

А к тому моменту, когда они встали, одетый Андрюша с чищенными зубами сидел на кухне, сложив ручки на коленях.

— Я сейчас попью чаю и пойду в садик, — сказал он, — и там буду очень хорошо себя вести.

Мама потрогала сыну лоб.

— Да нормально все, — сказал отец, зевая, — просто раньше не надо было сопли жевать.

Всю следующую неделю родители не могли нарадоваться своему послушному сыну. А потом привыкли.

* * *

— ...Но уметь строить собственную судьбу — это поддела. Есть еще одна проблема... Кстати, про нее у меня тоже почему-то часто спрашивают во время тренингов и просто вот таких встреч.

Лазуркин обвел взглядом притихшие ряды. Все шло гладко, будущие акулы регионального бизнеса слушали его, приоткрыв рот от старания.

— Меня спрашивают, как строить отношения с большинством. Ведь в нашей стране большая часть людей относится к предпринимателям как к дармоедам и криминальным элементам. Тут я могу дать взвешенную и проверенную практикой рекомендацию. Запомните, а лучше — запишите!

Очередную драматическую паузу Лазуркин оборвал решительным:

— В задницу большинство!

Зал захихикал. Этот прием — грубое слово после пафосной подводки — всегда хорошо работал.

— Большинство лениво и инертно, — он говорил решительно и жестко, помогая себе жестами, — оно будет тянуть вас за собой. Сбивать с пути. Отвлекать от цели.

Рано или поздно вам придется встать одному против всех и сказать: «Я не такой!» И поверьте моему опыту: лучше сделать это пораньше. Я пошел один против всех еще в школе. В пятом, кажется, классе.

* * *

Идея сбежать с математики возникла стихийно. Математичку в 5 «Б», мягко говоря, не любили. Она и так зверствовала, но сейчас, в конце четверти, когда все остальные учителя дали возможность расслабиться, ее самостоятельная по новой теме выглядела просто издевательством.

— Пусть сама пишет!

— В гробу я эту математику видела!

— А вот возьму и уйду!

— И я!

— И я!

— И пусть сидит одна!

Человек десять из класса, возмущенно размахивая портфелями, двинулись в сторону к выходу. Остальные неуверенно посмотрели им вслед.

— Вы что, правда уйдете? — робко спросила отличница Катя.

— А че, слабо? — аргументированно ответил ей главный хулиган класса по кличке Серый.

«Слабо» — это был аргумент. У кабинета осталось буквально пять человек.

— Кто остался, тот вонючка! — крикнул Серый, и весь класс с грохотом и хохотом ломанулся вниз по лестнице.

Андрюша рефлекторно пробежал пару пролетов с ними, но на первом этаже понял, что его ноги тягелеют. Он не мог уйти с урока. Хорошие мальчики с уроков не уходят. А Андрюша был очень хорошим мальчиком. Ему очень нравилось быть хорошим мальчиком, и он не понимал, почему все вокруг не могут быть такими. Это же так просто. Поступаешь всегда правильно, и все тебя хвалят. Родители, учителя — все всегда хвалят. Он на секундочку представил себе, как расстроится учительница математики, когда увидит, что она осталась одна. Как расстроятся родители, когда узнают, что он ушел с урока. Андрюша чуть не заплакал, развернулся и пошел обратно.

Самостоятельную он написал один. Получил заслуженную пятерку и очень собой гордился.

И когда на следующий день его перед всем классом хвалили на экстренном родительском собрании, он тоже очень гордился. И папа ласково потрепал его по голове, и мама обещала ему мороженое. И до следующего утра он был самым счастливым ребенком на свете, заснул с улыбкой и проснулся, предвкушая, как весь класс будет шестым уроком отрабатывать математику, а он пойдет домой. И ему даже домашку не надо будет делать, потому что добрая учительница его от нее освободила.

Но на подходе к школе случилось странное. Его догнал Серый, как-то нехорошо ухмыльнулся, а потом Андрюша споткнулся и упал. И его больно ударило по голове. Андрюша попытался встать, но вместо этого упал опять. А на этот раз его ударило по спине. Очень больно.

Андрюша заплакал. Он вдруг понял, что лежит на грязной земле, что он испачкал брюки и мама расстроится. Он заплакал еще громче. И увидел, как содержимое его портфеля полетело в грязь. Его идеальные тетрадки, библиотечные учебники, аккуратно завернутые в одинаковые обложки, его тонко наточенные карандаши и хорошие, немажущие ручки. Все это валялось, раскиданное по двору.

Андрюша чуть с ума не сошел, ему показалось, что он сейчас умрет.

— Еще раз заложишь, гаденыш, — сказал ему в ухо Серый, — вообще убью.

Андрюша стал на колени и в ужасе поднял глаза на одноклассника. Так это он его ударил? Так он специально?

— Шестерка. Вонючка. Шавка подзаборная. — Серый выплевывал страшные ругательства, и Андрюше хотелось закопаться в грязь. — Еще раз, шваль, рот свой раззявишь, брат мой придет и тебя уроет, понял?

Андрюша кивнул. И заметил, что бил его Серый один, но у него за спиной маячило еще несколько одноклассников.

— Шухер! — сказал кто-то.

И в одну секунду Андрюша остался один. Мимо проходящая женщина, глядя на Андрея, поджала губы.

— Что, добегался? — хмуро спросила она. — Вставай, простудишься.

Андрюша был умным мальчиком. Он быстро учился.

На следующий день он сам предложил Серому сделать за него домашку по математике.

— Ладно, прощаю, — сказал Серый. — И добавил с ухмылкой: — Хороший мальчик!

* * *

— Итак, запомнили и записали: большинство — в...

Еще одна пауза, на сей раз ироничная.

— ...в пекло.

Зал отозвался вяло. «Надо убирать цитаты из «Игры престолов», — подумал Лазуркин, — молодежь уже не в теме».

— Но! — Он предостерегающе поднял палец. — Это правило не есть догма. Да, вы должны отстаивать свое мнение, когда речь идет о вещах важных, принципиальных. Когда уступить — значит предать. Однако, к счастью, такие ситуации случаются нечасто. Обычно мнение большинства просто раздражает вас, но не мешает делать дело. И как тогда поступить?

Он требовательно посмотрел в зал, как будто действительно ждал ответа.

— Правильно, использовать большинство в своих целях. Если дует неприятный ветер, не обязательно от него прятаться. Можно построить ветряную мельницу или наполнить этим ветром паруса. Если вам противна группа «Хан-Хой»...

Народ радостно оживился — фрики из «Ютьюба» по-прежнему были в тренде.

— ...можно морщить нос и отворачиваться, а можно построить свою рекламную кампанию на джинглах из

«Хан-Хоя». Не нужно ложиться под толпу, но — если вы ее расположите к себе нужной стороной — толпа ляжет под вас...

* * *

Целый год после побега с математики их класс не прогуливал уроки. Каждый раз, когда Серый или кто-нибудь еще предлагал свалить, остальные вспоминали, как им влетело, и вяло отказывались.

И при этом опасливо косились на Андрюшу Лазуркина. Как он ни старался искупить свою вину, как ни давал списывать всему классу, клеймо предателя и стукача приклеилось к нему намертво.

Тогда он составил и осуществил хитрый план.

Случай его осуществить подвернулся, когда Андрюше нужно было сходить к врачу. Ничего особенного, ежегодный профосмотр. Мама дала ему записку для классной, чтобы та отпустила с последнего урока. Тем более что последний урок — русский — сама классная и вела.

Записку он сунул в стол классной в учительской еще до занятий, специально пришел пораньше. И до предпоследнего урока сидел тише мыши. А на последней перемене вдруг заявил:

— Вот же... Домашку забыл сделать.

Одноклассники, которые слышали это, удивленно посмотрели на него. Сам факт, что Лазуркин пришел без домашки, был поразительным. А дальше началось вообще нечто странное.

— Да ну его, этот русский! — сказал Андрюша, запихивая учебники в портфель. — Чем пару получать, пусть лучше прогул запишет.

Тут уж все навострили уши. На их глазах рушились основы мироздания. В классе повисла настороженная тишина. Даже Андрюша, который знал, что ничем не рискует, почувствовал холодные мурашки между лопатками. Но все равно взял портфель и направился к выходу, бросив через плечо:

— Серый, ты остаешься?

Серый, который как раз собирался скатать домашнее задание у Андрюши, встрепенулся:

— Я валю! Кто с нами?

«Нами» согрело душу Андрюши, но Серый тут же подпортил настроение:

— Э! Тормоза! Даже Лазуркин сваливает! А вы чего, хуже?

Никто не хотел быть хуже Лазуркина. Через минуту класс с гогомом и шуточками выбежал из школы. И Андрюша на сей раз шел в первых рядах. Это было щекочущее и пьянящее чувство — быть частью толпы. Более того — вести ее за собой.

Но Андрюша не расслаблялся. Предстояла вторая, самая сложная часть плана.

Классная на следующее утро редела, как сирена во время учений по гражданской обороне. Она высказала все, что думала про бестолочей, которые сбегают с уроков. Напророчила им всем карьере дворников и уборщиц, после чего потребовала дневники на стол.

Андрюша нес свой с замиранием сердца. Но классная то ли не нашла его записку в своем столе, то ли забыла о ней. Глянув на макушку поникшей Андрюшиной головы, она сказала:

— Ну, Андрей, от кого, от кого, а от тебя...

Дома Андрюше предстояла последняя часть его интриги. Протягивая маме дневник с замечанием, он почти не играл, выдавливая из себя слезы. Ему было реально страшно.

— Она что, вообще?! — возмутилась мама. — Ты записку ей отдал?

— Еще утром, — выдавил из себя Андрюша.

— Я пойду и все ей объясню! — Мама решительно поднялась.

Андрюша умоляюще сложил ладони:

— Mam! Не надо! Вера Николаевна и так из-за нас расстроилась. Говорят, у нее даже сердце болело... Если ты еще на нее наругаешься...

— Но так же нельзя! — упрямо качала головой мама. — Это несправедливо! Я до директора дойду!

Теперь следовало пустить в ход тяжелую артиллерию.

Андрюша порывисто прижался к маме и сказал:

— Mam! Ну ты же знаешь, что я не виноват? А на остальных мне плевать! А учительница... Ей от директора уже влетело! Не расстраивай ее еще больше, ладно?

— Хороший ты человек, Андрюша. Добрый. — Голос мамы дрогнул, когда она обняла сына в ответ. — Тяжело тебе будет в жизни.

Андрюша, не отрываясь от маминого бедра, ликовал.

Он как раз был уверен, что теперь-то ему станет гораздо легче жить.

* * *

— Еще один вопрос, который почему-то волнует многих. Страшный вопрос. Каждый раз ставит меня в тупик.

И снова мастерски выдержанная пауза.

— «Как у вас с женщинами?»

Заинтересованный гул. Быстрые взгляды от редких в этой аудитории девушек.

— Не знаю, почему это волнует так многих. Возможно, потому, что я попал в какой-то рейтинг женихов...

— Топ-10 самых завидных холостяков города! — крикнул задорный женский голос.

— А, вот как? Спасибо. Так или иначе, к женщинам я отношусь очень хорошо. Я все-таки мужчина, как легко понять по вторичным половым признакам. Например, по порше, который ждет меня во дворе.

Снова одобрительный гул.

— Я не монах. Время от времени у меня случаются... скажем так, небольшие романы. Но...

Лазуркин надел на лицо выражение потрагичнее.

— Не хочу ворошить прошлое... Если кратко, в юности у меня была девушка. Я ее очень любил. Но... мы не смогли быть вместе.

* * *

К девятому классу Андрюша вырос красивым мальчиком. Кроме того, он тщательно следил за собой. Пусть в семье не было денег на дорогие шмотки, честно говоря, у них в семье последние лет пять ни на какие шмотки денег не было, но он старался, чтобы то, что было, выглядело идеально.

Одноклассники Андрюшу любили. Он был безобидный — не пил, не курил, не бил. Он всегда давал списать. Он умел слушать и всегда улыбался.

При Андрюше сплетничали, поправляли колготки, а однажды даже показывали друг другу новые чудопрокладки, которые только появились в магазинах. Но эта информация была для Андрюши лишняя, он покраснел, вжался в стенку и незаметно по ней отполз.

Он не хотел этого знать. Он хотел, чтоб женщина — это такое вот вкусно пахнущее и нежное. Он много раз представлял себе, как целует, как обнимает, раздает... Он много чего себе представлял. А вот эта гадость — явно перебор и ошибка природы. Он подумал, что у его девушки никаких «этих дел» не будет. И у мамы нет. Точно нет. Он ни разу не видел, чтоб она бегала с какими-то там прокладками.

Но даже знание о том, что у одноклассниц давно «все началось», несмотря на то что сами девчонки Андрюшу за мужика не считали, не делало их в глазах Андрюши менее привлекательными и волнующими. Особенно Оксану.

Они сидели вместе на английском, и Андрей не валил предмет только потому, что знал его лучше учительницы. Оксанины формы сводили его с ума.

Оксана была позором школы. Год назад она сбегала из дома, где-то шлялась четыре дня, ее искали. А потом она вернулась. Что было — сразу покрылось мраком тайны, но пацаны рассказывали такие вещи, что Андрей покрывался испариной. А потом сидел рядом с ней на английском и думал, что если она уже все это один раз делала, то ей уже должно быть все равно. И почему бы ей не сделать этого всего еще раз с ним, Андрюшей? Он же хороший! Он ее не обидит!

Оксана обращалась с ним ласково. Один раз поправила воротничок рубашки, один раз смахнула с плеча волос. А однажды, перегибаясь через проход, так прижалась к нему грудью, что Андрюша окаменел на следующие три урока.

Отношения у них начались случайно. В самом конце учебного года, когда уже сирень билась в окно, Оксана потянулась, нежно улыбнулась и сказала:

— У меня сегодня день рождения.

Андрюша сглотнул.

— Поздравляю, — ответил он.

— Этого мало, — хитро прищурилась Оксана.

— Еще раз поздравляю! — сказал Андрей. Он малость отупел и не смог придумать ничего пооригинальнее.

— Приходи ко мне к семи, — сказала Оксана, — все наши будут. Родаки на выходные свалили.

То, что «все наши будут», Андрея сильно расстроило, он предпочел бы остаться с Оксаной наедине. Но, с другой стороны, возможность увидеть ее комнату, побыть у нее дома опьяняя.

— Но у меня нет денег на подарок, — сказал он.

Андрюша давно понял, что лучше быть бедным и честным. Если ты пытаешься изображать крутого, это выглядит нелепо. Если честно признаешься в том, что нищий, тебя даже уважают. В конце концов, Андрюша не виноват, что его родители не вписались в новый безумный мир, где недостаточно быть научным сотрудником, чтобы содержать семью.

— Не надо никаких подарков, — сказала Оксана, — ты — лучший подарок.

Андрей завис.

— В семь, — повторила Оксана, — буду ждать.

* * *

В половине седьмого Андрей принимал холодный душ и пытался составить план действий. Если он придет вовремя, то заставят пить. Пить он не хотел — пару раз видел, как надирались до поросычьего визга одноклассники, и не собирался повторять их подвиги. Поэтому нужно опоздать. На полчаса, не больше. Он придет, все уже будут под градусом, можно взять бокал или рюмку и делать вид, что пьешь. И тогда можно продержаться до конца вечеринки, когда все разойдется, и они с Оксаной останутся наедине.

И тогда...

Он крутанул душ, вода пошла ледяная.

В семь тридцать Андрей дрожащим пальцем нажал на кнопку звонка. Не открыли. Прислушался — внутри грохочет Offspring. Нажал еще раз и держал, пока дверь не распахнулась.

На пороге, слегка покачиваясь, стояла сама именинница. В руке она держала открытую бутылку вина.

— Андрюшка! — обрадовалась она. — А мы тут уже вовсю голливудим! Заходи!

Она сделала широкий приглашающий жест. Очень широкий. Верхние пуговицы ее рубашки оказались не застегнутыми. Вид открылся такой, что у Андрея пот по вискам потек. Он шагнул внутрь. Оксана сунула ему бутылку, и он чуть было не отхлебнул из нее — но вовремя вспомнил о плане. Замотал головой, но Оксана обиженно надула губки:

— Ты чего? Будешь, как дурак, ходить тут трезвый?

Андрюша криво улыбнулся в ответ. Он все никак не мог оторвать взгляда от полурасстегнутой рубашки Оксаны. Тогда она хитро улыбнулась, отхлебнула из бутылки и, не проглотив, впилась губами в губы гостя.

Вкуса Андрей не почувствовал. В него вливался живой напалм. Когда Оксана оторвалась от него, то посоветовала:

— Ты дыши, Андрюша, дыши!

Она качнулась в сторону, и Андрей схватил ее. Сначала хотел поддержать, но руки сами полезли не туда, куда должны лезть руки интеллигентного мальчика.

— Тихо-тихо-тихо! — хихикая, сказала Оксана, отклеивая от себя Андрюшины ладони. — Людей полная квартира.

И в прихожую тут же вывалился Серый. Гостя он не заметил, потому что очень спешил в ванную. Слушая, как Серого рвет за дверь, Андрей слегка пришел в себя. И с удивлением понял, что зря боялся пить: вино растворилось в его глотке, как капля воды на раскаленной сковороде.

Весь вечер Оксана его дразнила — подсаживалась рядом, но как только он пытался положить руку на что-нибудь запретное, она вспархивала и отправлялась болтать в противоположный угол комнаты. И танцевала весь вечер с кем угодно, только не с Андреем. У него начался тремор. Он все-таки выпил пару бокалов. Просто чтобы руки не колотились.

Когда вечер кончился, очень долго копошился в прихожей, пытался спрятаться в туалете, но и оттуда его выкурили подвыпившие одноклассники. И только когда все вывалились на улицу, он сообразил соврать, что забыл у Оксаны ключи от дома.

Она открыла не сразу и была уже в домашнем халате.

— Ты чего? — спросила Оксана заплетающимся языком.

Он не ответил. Целый вечер ожидания и терзаний ревности вышибли все предохранители. Андрей захлопнул за собой дверь и повалил Оксану на пол, срывая с нее халат.

— Не надо! — слабо отбивалась она. — Ты чего, Андрюша? Не надо...

— Что, — рывкнул он, — всем можно, а мне нельзя? Потому что у меня денег нет?

— Да ты что?! — Оксана пыталась запахнуть халат, который рвал на ней Андрей. — Я никогда! Ни с кем! Вранье это все! Пожалуйста,пусти...

Если бы она орала на него, обзывалась, угрожала, он бы, наверное, отпустил. Но это жалобное блеяние только раззадорило.

* * *

В понедельник Оксана в школу не пришла. «Перепила», — подумал Андрюша.

В воскресенье у него еще мелькала мысль, что он сделал что-то не то, но она ушла вместе с похмельем.

Оксана позвала его сама? Сама! Соблазняла весь вечер? Соблазняла! Целовала? Целовала! Он просто сделал то, что она хотела! И мало того, что хотела, она еще и просила его об этом!

А то, что сопротивлялась, так это все эти бабьи дела, они все сопротивляются, на то они и бабы.

От процесса Андрюша, честно говоря, ждал большего. Все случилось как-то слишком быстро, но это, скорее всего, потому, что Оксана оказалась неопытной.

Но ничего. Она обязательно научится! В этом деле главное практика, так все пацаны говорят.

А Андрюша уже был готов практиковаться.

Из девчачьих разговоров он выяснил, что Оксана дома, и отправился к ней сразу после школы.

Оксана открыла ему. Даже бурлящие гормоны не помешали Андрею заметить, что выглядела Оксана чудовищно.

— Ого! — сказал Андрюша. — Ты что, заболела?

И не успел отклониться от удара, а бить Оксана умела. И пока он валялся в коридоре и глотал воздух, Оксана орала на него, что он ублюдок, последняя мразь и должен сдохнуть.

Андрюше было больно и очень обидно. Он хороший! Он никогда не делал ничего плохого!

— Это не я, — прохрипел он.

— Что? — заорала Оксана. — Что ты там сипишь?

Андрюша сжал зубы. Это было ужасно унижительно, валяться в ногах у девчонки. Он не за этим к ней пришел! Но чувство, что он сделал что-то не то, опять вернулось, Оксана смотрела сверху вниз, и Андрюше показалось, что он маленький мальчик и его будут ругать.

Дальше началось уж совсем странное. Андрюша начал хватать Оксану за руку, у него на глазах выступили слезы, он затряс головой и начал клясться, что больше не будет.

Оксана этого явно не ожидала и замолчала. А Андрюша, увидев, что она смягчилась, заговорил бы-

стро-быстро. Что он не понимает, что на него нашло, что это не он, он не помнит ничего, ему нельзя пить, это все вино, это все пацаны, это все май... Его спровоцировали, заставили, обманули...

— Что ты несешь? — спросила Оксана.

Андрей схватил ее за руку, она ее брезгливо отдернула.

— Вон пошел! — сказала Оксана.

Андрей встал и, покачиваясь, вышел.

Уже через полчаса он не понимал, что на него нашло. С какого перепугу он так размазался перед какой-то там одноклассницей.

Оксана так и не появилась в школе всю последнюю неделю, и Андрей о ней старался не вспоминать. Сознательно вычеркнул ее из памяти со всеми ее прелестями.

* * *

А через несколько недель к ним домой пришла классная, отодвинула Андрея, который пытался быть вежливым, и заперлась с его родителями на кухне.

Андрей полчаса изнывал от любопытства и пытался подслушивать, но кроме одного мамино восклицания: «Он не мог!» ничего не услышал.

Но поскольку он точно знал, что хороший мальчик, что год закончил на отлично с примерным поведением, то начал перебирать одноклассников и придумывать, кто ж из них так накосячил, что классная по домам бегает.

Когда его позвали, он был совершенно спокоен. Взрослые — наоборот.

— Ты же знаком с Оксаной? — спросила его мама.

Андрей хлопнул глазами.

— Андрей, я знаю, что ты хороший мальчик, — начала говорить классная, — мне очень все это неприятно. Но с Оксаной случилась нехорошая история. И она говорит, что в этой истории виноват ты.

Андрей хлопнул глазами еще раз.

— С Оксаной? — переспросил он.

— О боже, — заломила руки мама, — зачем мы его мучаем? Ну очевидно же, что он не мог!

— Какая история? — спросил Андрей.

Мама мучительно покраснела.

— Эта девочка говорит... Она говорит...

— Она говорит, что ты изнасиловал ее, — договорил папа.

Мама дернулась. Андрей хлопнул глазами в третий раз и застыл. А потом ему стало жарко. Жар медленно поднимался по телу, сначала стало горячо в животе, потом запыхало лицо, шея и уши.

— Ч-ч-что она? — спросил Андрей.

— Да вы посмотрите на него, — ухмыльнулся папа, — он еще вообще об этом не думает! Ему пестик с тычинками покажите — он покраснеет!

Мама закрыла лицо руками. Классная встала и аккуратно положила руку Андрею на плечо.

— Я знала, что это не ты, — сказала она, — ты хороший мальчик.

* * *

Потом были летние каникулы — последние школьные каникулы, которые он по традиции провел у бабушки в деревне. Начался выпускной класс, Оксаны в нем не оказалось. То ли перевелась в другую школу, то ли вообще бросила учебу.

Андрей не вникал, он старательно выгрызал свою золотую медаль. Сам! Без всяких репетиторов (за что родители были ему безмерно благодарны). Только однажды, в ноябре, до него докатились новости про Оксану. Говорили, что она то ли сделала подпольный аборт, то ли самоубилась. Андрей изо всех сил старался гнать от себя мысли об Оксане — и не мог. Ему почему-то было важно убедиться, что она умерла. Через несколько дней не выдержал и позвонил. Трубку подняла сама Оксана.

— Алло, — сказала она бесцветным голосом. — Алло. Вас не слышно. Перезвоните.

Андрей аккуратно положил трубку и уверил себя, что с души упал камень. Ничего страшного не случилось.

Он сосредоточился на учебе.

Блестяще окончил школу, получил золотую медаль (которая оказалась маленькой и по виду латунной). Родители сидели в первом ряду и сияли сильнее, чем та медаль. Вуз для поступления ему выбрали экономический — все понимали, что будущее за юристами и экономистами.

И началась новая жизнь, студенческая. Вольная и взрослая. Андрей уже знал, как расположить к себе и преподавателей, и однокурсников: не слишком выдвигайся, будь скромн, относись ко всем доброжелательно, не бойся посмеяться над собой. Через полгода он был лучшим старостой группы, отличником и предметом пристального внимания девушек — милый, аккуратный и вежливый.

Перед зимней сессией одна из однокурниц, хлопая ресничками, пригласила его в гости — помочь подготовиться к зачету. Она бы папу с мамой попросила, но они, как назло, укатили в другой город на свадьбу к родственникам. Намек был более чем прозрачным. Андрей запасся презервативами, захватил бутылку белого сухого и принял душ.

Все шло как по маслу. Однокурсница оказалась ласковой и покорной. Под руками Андрюши она просто таяла и заранее постанывала.

Но когда они уже без одежды лежали на огромной кровати (видимо, ее родителей), случилось страшное.

Он увидел Оксану. Она смотрела на него пустыми мертвыми глазами и беззвучно шевелила губами.

Это было всего долю секунды, но Андрея парализовало.

А потом он вскочил и торопливо принялся одеваться. Однокурсница лепетала что-то, кажется, спрашивала, что не так. Андрей не слушал.

Он пришел в себя на морозной улице. Пригоршей схватил снег и принялся втирать в лицо, пока оно не перестало гореть.

Еще несколько раз он пытался закрутить с девчонками, один раз при этом крепко выпил — ничего не помогало. В самый важный момент появлялась Оксана и все портила.

После третьего курса Андрей прекратил эксперименты. Все силы бросил на учебу.

— Вот образцовый студент! — ставили его в пример преподаватели. — Не прогуливает, не пьянствует, жеманиться не спешит! А как учится!

«Хороший мальчик», — добавлял про себя Андрей Лазуркин.

* * *

— ...И с кем бы я ни пытался после этого завести серьезные отношения... Я всегда...

Лазуркин отвернулся от зала, как бы скрывая слезы, налил и выпил стакан воды. Все в звенящей тишине. «Так, — подумал он, — не пережать бы с романтикой».

— В общем, — голос Андрея обрел былую силу, — это, пожалуй, единственная часть моей жизни, где мой опыт для вас бесполезен. Дети, не делайте, как дядя Андрей! Не влюбляйтесь раз и навсегда!

Зал с облегчением выдохнул, кто-то даже захлопал.

— Давайте лучше про бизнес, — продолжил Лазуркин, позволив себе легкую улыбку. — Большинство из вас хочет сразу открыть свое дело, арендовать офис, платить налоги, а уж потом разбираться, что именно делать-то. Это не очень грамотное решение. Да, бизнесмену нечего делать в офисном планктоне. Но я бы советовал все-таки начать именно с этого. Поработайте наемным работником. Вникните в область бизнеса, которым хотите заняться. Почувствуйте себя на месте подчиненного — ведь скоро у вас самих будут подчиненные, вам важно понимать их психологию. А там...

Он легко взмахнул рукой, словно отгоняя надоедливую муху.

— Если в вас есть, что называется, бизнес-жилка, вы недолго пробудете в нижней части карьерной лестницы. Знаете, сколько времени мне потребовалось, чтобы из стажера дорасти до начальника отдела крупной корпорации? Я про «ЦветоПринт», я там начинал.

Молодежь заинтересованно загудела. В последние полгода «ЦветоПринт» сильно вкладывался в рекламу и производил впечатление гиганта оперативной полиграфии.

— Ну? Так какие варианты? Поиграем в «горячо-холодно»!

— Год! — крикнул все тот же задорный женский голос.

— Ну... так... тепленько.

— Два!

— Холодрыга!

— День!

Общий смех.

— Спасибо за комплимент, но даже я на такое не способен.

— Два месяца!

— Бинго!

Лазуркин вскинул палец, указывая на победителя. Соседи завистливо посмотрели на счастливого, как будто тот действительно что-то выиграл.

— Строго говоря, — продолжил Лазуркин, — месяц и двадцать дней. Без связей, без протекций, без каких-то шахер-махеров...

* * *

Красный диплом позволял остаться на кафедре, но Андрей никогда эту возможность всерьез не рассматривал. Он видел, на какие крохи живут преподаватели, и не собирался идти путем собственных родителей — интеллигентных нищеводов.

Отличник Лазуркин еще на пятом курсе присмотрел себе парочку фирм, которым нужны «молодые, энергичные и коммуникабельные работники». На одной из них его взяли — пока не в штат, а на стажировку, но Андрею от судьбы был нужен шанс, остальное он собирался устроить сам.

Его сделали помощником Жанны — девицы бодрой и, наверное, талантливой художницы. Но как начальник отдела дизайна Жанна была никакой. Бумажки наводили на нее уныние, переписка с соседними отделами ставила в тупик, а подчиненные вили из нее веревки. Особенно поразил Андрея случай с закупкой оборудования. Фирма расширялась, нужны были новые графические станции, фотоумножительный аппарат, несколько крутых принтеров. В общем, заказ на круглую сумму. Поставщики осаждали Жанну и некоторые откровенно называли процент отката. Но эта дурочка закупила просто самое навороченное оборудование, ни копейки не положив себе в карман. Когда Андрей посчитал упущенную личную выгоду, потом три дня ходил с головной болью.

В фирме Лазуркина приняли хорошо. Коллектив был молодой, задорный, не обремененный семьями, на работе жили, да и почти все выходные проводили вместе. В общих пьянках Андрей не любил принимать участие, обилие служебных романов его раздражало, а вот по пятницам с мужиками в баню ходил с удовольствием. Их разговоры его развлекали и во многом были школой настоящей жизни.

В этот раз солировал Дмитрий — высокий широкоплечий менеджер по продажам.

— Не, ну нормально? — возмущенно кричал он. — Вот скажите, мужики, это нормально? Это вообще нормально?

Андрею в руки сунули бутылку пива.

— Что случилось? — спросил Лазуркин.

— Пей, — сурово сказали ему, — у Дмитрия проблемы.

Андрей выпил. Понятнее не стало.

— Она, главное, такая, как будто это нормально! — Дмитрий уже был изрядно пьян и изъяснялся невнятно.

— Баба ушла? — спросил Андрей.

Если в разговорах мелькала «она» — то баба, если «они» — то заказчики.

— К черту она ушла! — выплюнул Дмитрий.

— Послушай, — попытался остудить Дмитрия его друг. — Но она ж тебе сказала правду, могла и не говорить.

— Вот и молчала бы! — поддержал разговор еще кто-то. — Честная она слишком.

— Кто? — спросил Андрюша.

— Да Жанка наша.

Андрей застыл. Отставил пиво. Теперь он хотел знать все.

Оказывается, эта Жанна была просто клиническая дура. Мало того что залетела, так еще и собиралась навесить ребенка на Дмитрия. А когда этот тюфяк распозлся и согласился с ней жить, она призналась, что не уверена, что ребенок от него.

До парилки в этот раз почти никто не дошел. Дмитрий пил. Мужики подливали. Быстро перешли на обсуждение секса с Жанной. По их рассказам выходило, что она переспала со всей фирмой, кроме Андрюши.

— Молодой еще, — сказал кто-то, — но я тебя научу...

— Сунешься к ней, убью! — мрачно сказал Дмитрий.

Он был совсем пьян.

— И ее убью! — добавил он.

Андрей смотрел на этого большого, уверенного в себя мужика и не понимал, как можно так убивать-ся из-за какой-то телки. Ну залетела, и что? Жить

будет. Они, бабы, для этого природой и предназначены.

Но потом, уже дома, понял, что судьба преподнесла ему подарочек.

На следующее утро он час сидел под дверью генерального, но сумел все-таки к нему просочиться.

— Так, — сказал генеральный, не отрывая глаз от монитора, — у меня очень мало времени. Фирму поглощают, сейчас мы становимся холдингом. Забот выше головы. Так что в темпе.

— Я как раз пришел избавить вас от одной заботы, — сказал Андрей. — У вас скоро не останется начальника отдела дизайна.

Шеф наконец перевел рассеянный взгляд на стажера, наморщил лоб, осознал.

— Жанку переманивают, что ли? Вот, блин, не вовремя. Ладно, спасибо, сейчас я ей прибавку обещаю...

Директор потянулся за трубкой телефона, но Лазуркин его торопливо перебил:

— Не переманивают! Но она все равно через полгода уйдет. В декрет.

Директорская рука зависла над трубкой.

— От тебя, что ли? — подозрительно спросил он.

— Упаси боже! Я-то с ней как раз не спал, — Андрей слегка подчеркнул «я».

— Ты на меня намекаешь? — взревел шеф.

— Нет-нет! Отец ребенка — Дмитрий Малышев из отдела продаж! Но проблема не в отце, а в декрете! Жанна уйдет в декрет — и как минимум года полтора ее не будет. А у нас, — и «нас» он тоже слегка подчеркнул, — ответственный период. Надо будет искать замену. Потом вводить назад Жанну. А как работают женщины с маленькими детьми, вы же знаете?

— Знаю, — вздохнул директор. — У самого двое. С обоими жена с больничного не вылезала, пока маленькие были... Но не могу же я Жанку уволить...

— И не надо! — улыбнулся Лазуркин. — Я узнал в отделе кадров: она на контракте. И на днях он заканчивается. Вы можете просто не продлить. Без объяснения причин.

Директор надолго задумался, барабанив пальцами по столу.

— Слушай, — сказал он, — Сергей, кажется?

— Андрей.

— Андрей. А ты же ее помощник, так?

Лазуркин кивнул.

— И ты решил начальницу утопить, чтобы место ее занять?

Лазуркин улыбнулся еще шире:

— Я бы так не формулировал. Я хочу уберечь компанию от ненужных проблем. И надеюсь, что руководство компании это оценит. Кроме того, мне не нужно входить в суть дела...

Шеф несколько раз смерил стажера взглядом. Андрей продолжал безмятежно улыбаться.

— Шустрый ты, — неодобрительно сказал директор. — И наглый. Мне сейчас такие нужны. Свободен пока.

Вечером за семейным ужином Андрюша не сдержался и похвастался родителям:

— Кажется, меня берут на постоянную работу.

— Ой, как хорошо! — обрадовалась мама. — А какая зарплата?

— Погоди поздравлять, — буркнул отец. — Какая там у него поначалу может быть зарплата? Тебя кем берут? Вторым помощником младшего менеджера?

— Начальником отдела дизайнера, — небрежно ответил Андрей.

— Андрюша всегда хорошо рисовал! — вспомнила мама. — В пятом классе его рисунки на школьной выставке...

— Погоди, — перебил отец. — Что, реально? Начальником отдела?

— Да повезло просто, — пожал плечами Андрей. — Прежняя начальница в декрет уходит, а я уже в курсе всех дел.

— Везет сильнейшим! — Мама гордо посмотрела на отца.

Тот молча уткнулся в газету. Это было что-то вроде горячего одобрения сына.

* * *

Конечно, Жаннино увольнение дорого далось всем. Эта эгоистка свалила, не передав дела, и Лазуркину пришлось ковыряться в ее рабочих контактах и самому разбираться в базе данных.

Несколько крупных заказов чуть не сорвалось. Сотрудники отдела Андрея саботировали, а одна девица даже уволилась, устроив перед уходом дикий скандал.

Она ворвалась в курилку и сказала, что желает им, чтоб они все разорились и что от судьбы они не уйдут и когда-нибудь кто-нибудь обязательно отыграется если не на них, то на их беременным женах или дочерях.

— А я не женюсь! — сказал Лазуркин, когда девица эффектно развернулась, чтобы выйти.

— Конечно, не женишься! — сказала она. — Никогда. Потому что никому ты не нужен. И до глубокой пенсии ты будешь жить с мамой.

Лазуркин криво улыбнулся. Это было очень смешное пророчество, он уже пару лет не жил с родителями.

На остальных мужчин истерика произвела нехорошее впечатление, выходили они из курилки, не глядя друг на друга. А на следующий день шеф наорал на Андрея из-за бракованного тиража, который эта девица должна была вычитать, а вместо этого уволилась.

Честно говоря, если бы не слияние фирм, Андрей бы не выжил. Но на счастье, отделы объединили, пришла куча новых людей, все как-то перемешалось, перераспределилось, заработало по-новому.

Обстановка в фирме изменилась, стала более рабочей. В баню Андрея больше никогда не звали.

А через полгода он ушел, получив первую запись в своем резюме.

Которое очень скоро начало наполняться новыми и новыми строками.

* * *

— И конечно, — продолжал Андрей, — ни одна встреча не обходится без вопроса, много ли я накопил. Зал заинтересованно загудел.

— Задавать этот вопрос мужчине так же неприлично, как спрашивать женщину о возрасте.

Разочарованный вздох.

— Скажу так, — Андрей прошелся по сцене, — если я сейчас потеряю весь свой бизнес, все банковские счета, всю недвижимость, то не расстроюсь. Все это ерунда, все это легко восполняется. Гораздо ценнее другое. Знаете что?

— Порше? — спросил бойкий парнишка из первого ряда.

Под общий смех Лазуркин с улыбкой покачал головой.

— Есть кое-что, что стоит дороже даже порше!

— Мазерати? — продолжил шутник.

На сей раз Андрей поморщился — он не собирался передавать ведение встречи молодому нахалу.

— Я имею в виду репутацию. Помните Паратова из «Бесприданницы»?

Стартаперы принялись смущенно переглядываться, только пяток типичных отличниц радостно закивали. Наглый остряк хотел что-то сказать, но передумал.

— Человек все потерял! — вещал Лазуркин. — Он продает свой любимый пароход «Ласточка»! Но это неважно, ведь у него остается его репутация, его слава делового человека. Поэтому мы понимаем: все у Паратова будет хорошо.

Андрей резко остановился и посмотрел прямо в глаза остряку.

— А если у человека репутация лузера, то он останется лузером навсегда... даже если у него случится полоса везения!

Наглец опустил глаза и раскраснелся.

За двенадцать лет Андрей Лазуркин успел зацветиться в шести крупных фирмах и пяти мелких. Везде его резюме («начальник отдела», «руководитель направления», «директор департамента») производило должное впечатление. Его тут же брали на очередную руководящую должность — а через полгода оказывалось, что обаятельный и коммуникабельный Лазуркин завалил всю работу. Ему предлагали уйти по соглашению сторон — и через месяц он оказывался начальником чего-нибудь в соседней фирме.

Андрея поначалу все устраивало. Хорошие оклады плюс откаты, которые он всегда успевал организовать, позволили купить квартиру и съехать от родителей. И даже купить машину своей мечты — подержанный порше. С девушками у Лазуркина по-прежнему не складывалось, поэтому денег на жизнь хватало, еще и откладывать получалось.

Но потом выяснилось, что в городе-миллионнике «не мир тесен, а круг узок». Все чаще на собеседовании Андрей слышал: «А-а-а... Лазуркин... Наслышан-наслышан» — и это означало, что его не берут. Он уже сменил сферу деятельности, но и за пределами мира полиграфии его скоро начали узнавать и презрительно кривить губы.

Наконец ему удалось закрепиться в одном рекламном агентстве, где он впервые в жизни не просто руководил и подписывал бумажки, но и предложил несколько креативных идей. Его похвалили не просто за то, что он «хороший мальчик», а за сделанное дело. Это было так приятно и так щекотало самолюбие, что Андрей принялся генерить идею за идеей. Большая часть его предложений шла в корзину, но одно из десяти доходило до реализации.

Однажды он предложил автосалону слоган «Любой каприз» и добавил к нему сексуальный подтекст. Генеральный пришел в восторг и дал карт-бланш. Лазуркин провел тщательный кастинг и выбрал модель — не самую красивую, но чем-то она его зацепила.

Только потом, когда плакаты «Любой каприз» были расклеены по всему городу, Андрюшу осенило: модель была очень похожа на Оксану. Не на ту раскрепощенную истеричку, что являлась ему в кошмарах, а на Оксану, которая была персонажем снов юного Андрюши. Это открытие оказало волшебное действие. Андрей почувствовал себя всемогущим, прямо демиургом. На корпоративе он позволил одной из молодых сотрудниц заманить себя домой — и впервые за долгие годы у него все получилось! Призрак Оксаны перестал являться!

А на следующее утро явился другой призрак из прошлого. Та самая дурочка Жанна, которую Лазур-

кин когда-то убрал со своего пути, накатала злобный пост про его «Любой каприз». Журналиги с блогерами радостно подхватили, выводя новость в хайп. Генеральный, естественно, слил его, заявил, что он ничего не ведал и не видел. Заставил Лазуркина ехать к Жанне извиняться... Но она за эти годы стала вообще психованной, вытолкала их взащей.

Андрей оказался вышвырнут из нормальной жизни. Пришлось подключить все связи, надавить на дуру Жанку, чтобы выпутаться из этой ситуации и устроится на работу к шведам.

* * *

Довольно быстро Андрей выяснил, что работать с европейцами невозможно. Ладно мелкая бытовая дичь, это не страшно, хотя и ужасно бесит. Но они просто глобально не умеют работать. После того как бухгалтер второй раз вернула Лазуркину счет с припиской «у вас ошибка в ценообразовании», Андрей раздраженно швырнул его в мусор и тут же получил замечание, что «это для пластика».

На своего бухгалтера Андрей бы просто рывкнул, что это не ее дело, что ее дело документы распечатывать, но эта европейская стерва тут же побежит жаловаться директору. А у них, понимаете ли, голос повышать неприемлемо. А бабы — это вообще святые коровы, на них даже смотреть нельзя. Дикая страна, не зря у них там сплошные геи и передачи про кашки по телевизору показывают.

Кроме того, директор навесил на Андрея ближайшую рекламную выставку. Конечно, это была не первая выставка в жизни Лазуркина, но в нормальных фирмах ему выделялся бюджет и десяток сотрудников, и все проходило очень легко. А тут мало того, что требовали отчет за каждую копейку, так еще и людей не дали. Время шло, работы было валом, каждый день возникали какие-то непонятные ситуации, которые нужно было разруливать. Дошло до того, что Лазуркин несколько дней просидел на работе до девяти вечера и к своему ужасу понял, что лучше не стало. Проблемы накапливались как снежный ком.

Буклет получился чудовищный, даже в визитки он умудрился вляпать опечатки, потому что решил сэкономить на дизайнерах и сделать все сам, монтаж стенда он забыл оплатить вовремя, и теперь у него требовали штраф, а когда Андрей покупал билеты на самолет для каких-то там гостей, перепутал дату.

Короче, нужно было срочно валить, и тут Андрюша в очередной раз убедился в том, что он везунчик. Потому что ему позвонила Марина.

Маринка была из прошлой жизни и из нормальных теток. Разговаривала нормально, нормально выглядела и нормально себя вела.

И на этот раз она позвала его сугубо по делу. Оказывается, она собиралась уехать из родного города, но рассталась со своим бизнес-партнером, а процесс уже завертелся и отступать некуда. Просила помочь разобраться с документами.

Лазуркин был так себе финансист, но Маринка в этом совсем ничего не понимала. Андрею даже стало ее жаль — красивая тетка, а выглядит такой подавленной.

Он пытался ей что-то объяснить, но Марина быстро схватилась за голову и взвыла, что никогда ничего не поймет, что все это безнадежно, что для бизнеса нужны мужские мозги и придется, видимо, все это бросать или нанимать специалиста за бешеные деньги.

— Найми меня, — предложил Андрей.

— Ну что ты, — сказала Марина, — твой уровень я не потяну... Но разве что...

Тут она сделала паузу.

— Разве что... Впрочем, зачем тебе эта афера, ты все равно не согласишься.

Андрею же афера все больше нравилась. Он, правда, отвлекся от документов и смотрел на Маринкину грудь. И, надо сказать, не зря смотрел. Потому что потом они поехали к ней домой «посмотреть еще пачку документов» и так удачно их посмотрели, что Андрей на утро первый раз в жизни подумал, что жить с теткой не такая плохая идея. Просто ее нужно правильно выбирать.

Вернее, когда женщина нормальная, так и все сразу нормально.

Правда, начало очень сильно подгорать на работе, денег на то, чтобы разруливать косяки, шведы давать категорически отказались, Андрей попытался по-быстрому решить вопрос с Жанкой, в конце концов, она ему карьере сломала, так пусть бы и заплатила, но не хватило времени.

Потому что Маринка таки предложила ему стать соучредителем, нужно было срочно ехать в Москву, снимать там квартиру и вообще разбираться с документами.

Чтоб не бегать к Маринке за каждой подписью, Лазуркин оформил все так, чтоб если что, он все мог решить сам.

* * *

Андрей понемногу примерял на себя роль владельца небольшого, но и не маленького торгового центра, но однажды все изменилось. Марина принесла в клювике договор на строительство чего-то огромного и фантастически дорогого.

— Все это прекрасно, — вздохнул Лазуркин, — и если бы мой папа был Билл Гейтс...

— Ты про деньги? — Марина вытащила из сумки еще один договор. — Так я на кредит договорилась! Надо только подписать!

Чтение кредитного договора заняло три минуты. За это время Андрей испытал эмоции в диапазоне от «Она совсем идиотка на таких условиях кредит брать?» до «Накопец-то и мне повезло!». Нужно было изменить всего несколько строк, чтобы весь кредит повис на Маринке, а деньги реально оказались в руках Андрея. Правда, самому Андрею в этот момент стоило оказаться за границей, в какой-нибудь Аргентине.

— Я покажу юристам. — Лазуркин постарался, чтобы голос не дрожал. — Пару дней займет. Это терпит?

— Они сказали — в течение недели.

На исправление договора ушло пятнадцать минут. Еще полчаса на покупку билетов и бронирование гостиницы. Дольше всего — день — Андрей возился с открытием счета в офшоре.

И только после этого переслал исправленный договор Марине с просьбой согласовать изменения с кредитором. Кредитору было, судя по всему, по барабану, с кого потом жилы тянуть, потому что добро они получили моментально.

Андрею было даже немного совестно перед Мариной. Он завтра будет купаться в лазурном море и размахивать платиновой «Визой», а ей придется отдуваться... Но он быстро отогнал от себя совесть. «А меня кто-нибудь когда-нибудь жалел?» — спросил он себя. Не получив ответа, распечатал договор и направился к Марине подписывать.

Однако бутылку красного все-таки купил. Хотелось отпраздновать. Правда, Маринка оказалась настолько криворукой, что опрокинула открытую бутылку на договор.

— Я сейчас распечатаю! — виновато сказала Марина. — У меня в почте есть.

Потом они торжественно подписали три экземпляра (по одному на совладельца плюс экземпляр кредитора) и подняли бокалы.

Проснулся Андрей только к полудню со странно тяжелой головой. В Мариной постели, но один. На самолет он безнадежно опоздал. Договора под рукой не было. Как и загранпаспорта в кармане.

Он еще пытался успокоить себя, дозвониться до Марины, выяснить, что случилось, но через три дня пришли люди в одинаковых костюмах. Они подробно объяснили, что кредит, оформленный на Андрея Лазуркина, вызвал внимание правоохранительных органов, так как через десять минут после поступления на счет средства были перечислены малыми долями на счета подставных фирм...

Андрей слушал и ужасался. Он так ей верил! Он любил ее! Спал с ней! А она... Холодная стерва, она все заранее просчитала и подготовила!

К счастью, большую часть денег успели перехватить — Марина слишком торопилась их перевести,

некоторые банки сразу почували неладное и заморозили переводы. Так что Лазуркин обошелся малой кровью. Пришлось распрощаться с квартирой, машиной, всеми сбережениями и залезть в долги — но на свободе он остался.

— Андрюша, — сказал ему напоследок следователь, который за полгода стал как родной, — вали ты из этой Москвы. Она тебе не по зубам. Сожрет и не поморщится. Вали. Ты же хороший...

Лазуркину показалось, что сейчас следователь скажет «мальчик», но тот закончил:

— ...парень.

* * *

Лазуркин бросил взгляд за кулисы. Ведущий угрожающе хмурил брови и стучал указательным пальцем по запястью — там, где у Андрея красовались дорогие часы.

— Прошу прощения, — сказал Лазуркин с искренним огорчением. — Мое время вышло. Но я не прощаюсь. Со многими из вас мы встретимся на тренингах. А с кем-то... кто знает... станем конкурентами! Спасибо, коллеги!

За «коллег» стартаперы щедро расплатились аплодисментами.

Ведущий за кулисами сунул Андрею конверт и проворчал:

— Я ж просил, пятнадцать минут! У нас банкет еще!

Лазуркин открыл конверт и принялся изучать содержимое.

— Двадцать штук, как обычно, — сказал ведущий.

— Зал в восторге, — задумчиво произнес Андрей. — Сколько ты с них с каждого слупил?

— Завязывай, — поморщился ведущий, — если они узнают, какой ты бизнес-гуру на самом деле, копейки не заплатят.

Этот разговор резко испортил настроение, хотя обычно Андрей с таких лекций уходил, наполненный эндорфинами и прочими гормонами удовольствия.

Он даже не стал заезжать в ресторан, чтобы выпить вечерний кофе. Сразу отправился в прокатную контору, где сдал часы и машину (приемщик попытался было обвинить его в царапине на бампере порше, но был послан). Переоделся в джинсы с рубашкой, упаковал костюм в чехол и поехал домой на троллейбусе.

У самого подъезда позвонила мама.

— Сынок, ты скоро? — Голос у мамы был тревожный.

Андрей поморщился. После смерти отца мама всю свою заботу обрушила на сына.

— У нас тут еще банкет, — соврал Андрей.

— Зачем тебе тот банкет? Я котлеты приготовила.

— Мам, прости, мне по другой линии звонят! — соврал Андрей. — Это по поводу переоформления документов на квартиру. Ты помнишь, что мы завтра идем?

Андрюша получил утвердительный ответ и торопливо нажал сброс. Ничего криминального, он все равно единственный наследник. А маме почти 80, и, конечно, в специальном заведении ей будет лучше. А он ее не бросит, будет регулярно заезжать.

Андрей покосился на чехол с костюмом на своем плече и направился в ресторан «Гуд Бой». Там у Дамира после девяти можно было взять шаурму с хорошей скидкой.